

НОВИНКА Новиков-Прибор и другие

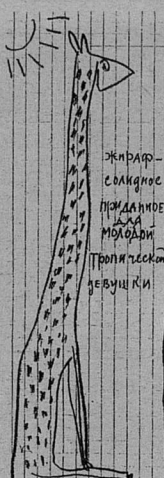
Дочь Ильи Ильфа о выходе первого полного издания записных книжек отца.

Как мне пришло в голову сделать полное издание записных книжек? Ответ, как говорится, однозначный. Я считала, что это мой прямой дочерний долг. Было несколько, совсем немного изданий, все они не совпадали по тексту. Редакторы или составители включали одно, исключали другое: ни одно издание не повторяло предыдущее. Несколько книжек не печатались вообще, из других иногда оставалось всего по несколько строк. Я решила, что настал момент для полного издания, и легкомысленно подписала договор с легкомысленным издательством «Текст», которое тоже не знало, во что ввязывается.

Все оказалось очень-очень сложно. Сначала сверить и переписать все записи за 12 лет. С 1925 года по 1937-й. Книжечек оказалось довольно много — 27. Две были у меня дома, остальные — в РГАЛИ. Это обычные блокноты, телефонные книжки, большая бухгалтерская книга. И, наконец, последние записи 1936 — начала 1937 года, напечатанные отцом на машинке. Год ушел на то, чтобы, не вылезая из Архива литературы и искусства, привести все в нужное состояние. Потом началась работа в издательстве, продолжавшаяся нашими героическими совместными усилиями два года.

Самое главное, что мне хотелось бы сказать, — предупредить читателей, что эти записи делались не для литературы, не для вечности, а для себя.

Издание носит, если так можно выразиться, «академический характер»: в него вошло буквально все, в том числе внелитературные записи, потому что мне хотелось показать, в каком окружении Ильф находился, с кем общался, где бывал, для каких журналов и газет писал. Кстати, интересно, какие тогда были цены, где кто жил, и многое другое. Нужно было соприкоснуться с тем временем. Очень хотелось поместить рисунки отца в этих книжках, и там их много, но, конечно, все не вошло. Зато — и это моя гордость — почти факсимильное

воспроизведение тетрадки, заполненной рисунками Ильфа с его подписями, сделанными летом 1927 года во время путешествия с Петровым на Зеленый мыс. Тогда они еще не были соавторами. Это произошло осенью.

Очень много хлопот оказалось с комментариями. Многие реалии теперь мало понятны нынешнему читателю, разве что узкому специали-

сту. На мой взгляд, комментарии в предыдущих изданиях — в двух собраниях сочинений — было совершенно недостаточно, а иногда они были неточными, чтобы не сказать неверными. Мне хотелось проследить, в какие общие произведения Ильфа и Петрова вошли те или иные записи, что послужило поводом для них, откуда взяты цитаты и многое другое. У меня оказалась редкая возможность прокомментировать часть записей благодаря тому, что были книги отца, его переписка с мамой, письма

его близких. В книгах, которые любил читать отец, я часто находила такие цитаты, как, например: «С ног до головы я создана для любви» (Генрих Манн. Большое дело) или «Жена уехала на дачу, ура, ура!» (Дос Пассос. 42-я параллель).

Вот запись: «Шулер должен иметь хорошо развитый палец правой руки и абсолютно здоровое сердце... При такой складке пизжонам нет спасения». Правда, смешно? А это очень серьезно, это выдержка из книги «Сенсационные разоблачения карточной игры. Тайны всех новейших шулерских приемов и клубной организации» (М., 1912). Эта книга у меня есть,

отец купил ее на книжном развале в двадцатые годы. Вдруг случайно удавалось найти происхождение такой фразы: «Мы ваш творческий метод будем обсуждать в народном суде» (это высказывание реального лица, некоего Фартучного, зав. производством на кинофабрике). А что за фамилии в записи — «Нет, это не господин Коше, не Тильден, не Боротра, не Крауфорд»? Никто никогда их не комментировал. А это оказались теннисисты, чемпио-

ны США и Уимблдона тридцатых годов. Много «игры слов» с фамилиями: Петров-Сбытов — режиссер и драматург Петров-Бытов, Матэ Булка — венгерский писатель Матэ Залка, Емельянингс — киноактер Эмиль Ян-

нингс, Новиков-Прибор — Новиков-Прибой. «Что вы смотрите на меня глазами газели, которой внезапно овладел беспартийный козел?» — о писателе Борисе Левине. «Ганди приехал в Данди». И это совсем не ради рифмы. А такая запись: «Философ из шашлычной. Раньше зависть его кормила, теперь она его гложет» — относится к Олеше. Чтобы не обиделись за Юрия Карловича, вот цитата из самого Олеша: «По всей вероятности, мною руководила зависть к нему (Алексею Толстому)... В эпоху его возвеличивания я быстро падал. Помню, в шашлычной он вдруг говорит мне...», и еще цитата из письма Николая Эрдымана: «...я — завистник. Завидую такой черной и неотвязной завистью, что мне могли бы позавидовать Сальери с Олешей». Словом, и комментарии, и персоналии доставили много хлопот не только мне, но и всем моим знакомым как в Москве, так и за границей, — в Америке, во Франции. Очень помогла работа в РГАЛИ: я нарыла там много такого, что напечатано впервые.

Конечно, найти все было невозможно. Но я и не ставила себе такой цели. Это бесконечная работа, я буду продолжать ее. Конечно, нужно сказать, что я, как и другие комментаторы, воспользовалась чужими комментариями — это святое дело. Но то, что было найдено лично мной, наполняет меня известной гордостью. Словом, мне хочется сказать, что нет такой буквочки в этой книге, которую я не держала бы в своих руках, и я бесконечно рада тому, что наконец появилось первое полное издание — свидетель тех далеких времен.

Александра ИЛЬФ

ДОСЛОВНО

Опасно ласкать рукой радиаторы парового отопления — они всегда покрыты пылью.

Подносят подарки уезжающему. Он прячет их и остается.

Шницель под брильянтовым соусом из слез.

На стол был подан страшный, наспигованный сплетнями гусь.

Гимназист в отставке.

Фирма «Шариков и Подшипников».

Нужно унижить горный хребет.

Ни пером описать, ни гонораром оплатить.

Половые разногласия.

На основе всесторонней и обоюдоострой склоки.

Построили горы для привлечения туристов.

Умрем под музыку Дунаевского и стихи Лебедева-Кумача.

Для ваших деток и для жинки Нет лучше вафель, чем «Снежинки».

Потолстеть скорее чтобы,

Надо есть побольше сдобы.

